

РОМАН БОГОСЛОВСКИЙ

СИЛУАН АФОНСКИЙ

СВЯТОЙ,
ОДОЛЕВШИЙ АД

РЕДАКЦИЯ
КПД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б74

Серия «Роман doc»

Разработка серии и дизайн *В. А. Воронина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется
по закону*

Богословский, Роман

Б74 СИЛУАН АФОНСКИЙ. Святой, одолевший ад / Роман Богословский. — Москва: Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2026. — 352 с. — (Роман doc).

ISBN 978-5-17-190996-3

Преподобный Силуан Афонский прожил яркую жизнь, поистине ставшую полем битвы света и тьмы. Он совершил подвиг преображения из беспутного юноши в прозорливого старца. Легко ли идти к святости, когда реальность рвётся на лоскуты под напором безбожных идей и устрашающих мистических видений? Как оставаться монахом, когда строгая аскеза даётся с каждым днём всё сложнее, а искушения смешивают сон и явь и порой трудно отличить бесов от ангелов? Об этом в оригинальном современном ключе, используя обманчиво простой нарратив, за которым стоят сложные символы и метафоры, пишет Роман Богословский, чья новая книга погружает читателя в полную падений и взлётов судьбу святого старца Силуана, одолевшего ад.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-190996-3

© Богословский Р., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

«...каждое слово должно
быть правдой о том, что
содержит молчание»

Антоний Сурожский

ЧАСТЬ 1. ПУТЬ

Глава 1

Сентябрь 1938 года на Афоне стоял поистине раскалённый. И хотя день уже клонился к вечеру, жара всё не унималась, заставляя монастырских кошек искать спасения в тени оливковых деревьев и кипарисов.

В Свято-Пантелеймоновой обители пришло время подкрепиться, и братья со всех концов монастыря тянулись к трапезной. Вокруг быстро опустело, лишь слышалось сквозь трели стрижей, как монахи разбирают посуду.

Инок Ириней опаздывал. Весь день он работал больше обычного: накануне перетаскал не все поваленные ветром деревья, загородившие проход в отдалённый скит Старый Русик, и сегодня работу нагонял. Есть ему хотелось страшно, потому он прибавил шагу, чтобы успеть.

Вдалеке он услышал шорох, словно кто-то чиркал камнем по камню. Ириней замедлил ход, обернулся и заметил фигуру. С большого расстояния он не рассмотрел, кто это. А подойдя ближе, увидел старца Силуана. Отец был огромного роста, но сейчас согнулся, прислонившись к стене, ему словно

дыхания не хватало. При этом глаза его, по обыкновению, улыбались, выплёскивая на Иринея столько тепла и света, что тот сразу забыл про голод.

— Отец, вот так дела! Что такое? Почему стоишь тут один? — вопрошал инок.

Силуан улыбнулся, тяжело и сипло дыша:

— Где это я один? Ты чего выдумал? Птицы поют, оливки вон растут, небо надо мной, камни вокруг, море раскинулось — это разве один?

Иринею совсем другое имел в виду, но перечить не стал. Весь образ старца внушал ему благоговение — гигантский рост его, стать, тихая, словно скрывающая себя, мудрость. И глаза — особенно они. Вроде обычные, но в то же время... Другие просто смотрят, а этот — видит.

— Помоги-ка мне до кельи моей добратся, — ласково сказал старец. — Успеешь поесть, не бойся.

Хотя Силуан пытался укрыть от него состояние, инок понял, что дело плохо. Ещё месяц назад старец легко закидывал один на другой мешки с мукой в торговой лавке, а вот теперь и до кельи дойти не может.

— Да могу я дойти, могу, — рассмеялся Силуан, хотя Иринею вслух не говорил, — только с тобой мне веселее. Расскажешь к тому же, что за мысль такая в тебе поселилась. Слы-

шу, точно пчела какая бешеная жужжит у тебя в душе, жить не даёт.

Силуан закинул руку Иринею на спину, и они тихонько двинулись вперёд.

— Сны — это страшная напасть, — старец заговорил первым. — Вот едет человек на святую гору под покров небесный... И всё оставляет за спиной — отца, мать, пожитки там, какие были, дом, картошку в огороде. А сны берёт, как без них? Эх, наваждение!

Ириней хотя был всего-то двадцати с лишним лет и прожил в монастыре всего ничего, но успел понять, что есть тут удивительные люди, которые всё, что он полагал скрытым где-то в глубине душевной, не просто знают, а зрят... словно это лежит у них перед глазами, освещённое к тому же светом, который во много раз ярче того, что покрывает в полдень святую гору Афон. И старец Силуан как раз такой, самый удивительный из всех монахов. Инок почувствовал тонкость момента, настроился на беседу и осторожно сказал:

— Да, сны... Про книгу, вернее — про слова из неё.

— И что за слова в той книге? — хитро спросил старец.

— Тебе и так известно, — ответил Иринею.

— Ты скажи, так надо. Чтобы и тебе известно стало. Сон, когда его проговоришь, силу теряет.

И тогда инок рассказал старцу, как три года назад приехал к старшему брату на Орловщину, как тот показывал ему свою библиотеку, подолгу рассказывая о книгах, — а стояло их на стеллажах великое множество.

— Литераторов, отец, имена я не помню — к чему они мне? Запомнил только, как брат сказал, что пишут они умные вещи: что Бог не нужен, Христос устарел, иконы не нужны — и вообще, надо только в человека верить, вот дела! Убежал я тогда из дома брата, потому что страшно мне стало. Ей Богу, подумал — сейчас же замертво упаду, если останусь. Я потом жил, словно меня на ежа морского задом посадили. Пока сюда не приплыл — житья никакого не было, такие дела. Но сон этот... каждую ночь один: стоит брат надо мной, лицо чёрное, глаза светятся. И всё твердит он: Бог не нужен, любовь не нужна...

Пока инок рассказывал Силуану всё это, они дошли до скромного обиталища старца.

В келье всё было по-монашески просто: облезлый табурет — на нём Силуан имел обыкновение проводить ночи; ветхое подобие лежанки, на которую он изредка всё же ложился; на окошке — ржавый подсвечник с огарком свечи; несколько икон да три затёртые книжки — «Лествица», Евангелие и акафист святому Пантелеймону.

Как увидел старец молельный свой табурет, улыбнулся ему, словно другу лучшему:

— Посади-ка меня на стул мой, ох и люблю я его. Он трезвению души помогает, глаз сомкнуть не даёт. А сомкнёшь — на полу лбом окажешься, — Силуан тихонько засмеялся, добавив: — Это наука лентяям, таким вот, как я, грешный.

Ириней запротестовал:

— Да какой тебе сейчас стул, отец! Ты на ногах еле стоишь. Ляг вон на лежанку, я позову кого-нибудь. Ведь плохо тебе!

Силуан его будто не слышал. Он сам, без помощи инока, прошёл в келью и сел на табурет — тот ласково заскрипел, приветствуя хозяина.

Старец показал глазами на лежанку:

— Не ходи пока куда. Садись вон. Расскажу тебе историю про книги, чтобы сны твои зловерные убавить.

Есть Иринею хотелось, но снами заняться пора, и правда, настала, замучили они его. Он прошёл в келью и присел на лежанку.

И тогда Силуан принялся за рассказ.

В те далёкие времена не звался он ещё Силуаном, а жил на свете простым крестьянским мальчишкой Семёном Антоновым пяти лет от роду.

— Эх, же! Окаянный, вчера хоть просто на бок валился, а сегодня совсем упал, — батя

Семёна Иван Петрович ладил ножку к стулу, пытаясь его починить. Маленький Сёма, открыв рот, наблюдал, как он колотит по гвоздю деревянным молотком. — Иди-ка, Сёмушка, вот тут поддержи, чтоб с малых лет знал, как дела работать.

Мальчик прыгнул с лавки, подбежал, схватился, где родитель указал. В тот же миг в дверь избы постучали.

— Кого там к вечеру принесло? — удивился Иван Петрович и крикнул: — Открыто!

Починку стула пришлось отложить.

Дверь распахнулась, и в избу шагнул грузный, довольно молодой человек, с большой сумкой на плече. Образ и вид его сразу говорили, что не местный он, не из Шовского — в родном-то селе все друг друга знают.

Волосы гостя спутались, висели, что солома после дождя. Они мотались до плеч, неряшливо падая на глаза. Был он одет в чёрное и косил на левый глаз. Сёма, испугавшись нездешнего странника, спрятался за батину ногу, крепко вцепившись в штанину.

— Здравия дому вашему, меня Константином зовут. Проездом вот. Из Лебедяни в Раненбург. Лошадь что-то захворала. Приседает на передние ноги, и всё тут... точно наваждение какое. Пустите, хозяева?

Отец Семёна был человеком весьма отзывчивым, странников он всегда привечал.

— Проходи, чего в дверях стоишь? Садись на лавку вон, чаю дам, — и сказал уже Семёну: — Отцепи руку-то, негоже тебе добрых людей бояться.

Константин прошёл и сел, где ему показали, снял мешок, положил на пол.

Таинственным и непонятным казался Семёну гость. Мальчик на всякий случай отошёл подальше, встал под иконами.

Родитель поставил на стол кружку с чаем, положил горбушку хлеба и кусок сахара, сам присел напротив.

— Меня Иваном Петровичем звать. Антоновы мы. А под иконами вон сынишка мой, Семён. Пей, ешь, что Бог послал. Ну и? Чего ходишь по миру, слоняешься из города в город?

Константин смахнул липкую прядь, жадно глянул на хлеб и сахар, по каждому его движению было ясно, что сильно он голоден. Гость отпил чаю, укусил сахар и сказал:

— Не слоняюсь я, а по делу хожу. Свет знания массам несу, вот о чём речь. В мешке у меня книги разные, важные, — он полез в сумку и достал оттуда несколько тонких книжек, повертел их в руках и положил обратно, оставив на лавке одну. — Во, точно! Вам эту в подарок дам. За чай и еду спасибо моё будет.

Иван Петрович любил всё новое и для себя неизвестное. Он с интересом сказал:

— Эх же как! Офеня* ты, значит? Знания — это завсегда хорошо! И что же там, в книгах твоих, сказано?

Гость быстро прожевал, глянул на Семёна, потом на иконы, затем вперил глаза в хозяина.

— Книги-то? Там мысли важные, точно говорю. Вы сказали, чтобы я ел, что Бог послал. А он не слал ничего. Это вы трудом своим заработали — и чай, и хлеб вот, и сахар этот, ведь точно же? Про то и книги мои. Что нет его, — он нервно кивнул на образа, — Бога никакого.

Стоящий под иконами Семён вздрогнул, сердце его задёргалось, метнулось к горлу, а потом точно разорвалось. Ноги будто все пропали, мальчик присел на корточки, но глаз с прищельца не сводил.

Иван Петрович шумно набрал воздуха, посмотрел на гостя строго, уточнил:

— Вот же что, оказывается?.. И Христа нет?

Константин похлопал рукой по мешку с книгами, словно призывая их в свидетели.

— Точно. И Христа никакого нет и не было никогда, — он говорил убеждённо, пылко, — сказки всё это для детишек, — Константин

* Офеня — то же, что коробейник, книгоноша.

указал на Семёна, что сидел в углу, не шевелясь.

Их глаза встретились, и тогда мальчик по-настоящему испугался. Казалось ему или было так на самом деле, но косой глаз офени почернел, словно вороньим стал. Он смотрел как будто на Семёна, а вроде и куда-то мимо него.

Иван Петрович тоже потерялся. Не мог он поверить только что слышанному. Многое он, бывалый рабочий крестьянин, привыкший к лишениям, в жизни слышал. Но вот что Христос — это сказка для детей...

Батя не знал, как продолжать разговор, оторопев от таких речей.

— Так а... а что же... Кто же тогда есть? — только и сумел он спросить.

Константин полез в мешок, покопался там, вытащил какую-то книжонку.

— Так, — довольно глядел он, — кто есть, спрашиваете? А вот тут всё и написано, — и он прочитал на обложке, — Нечаев, «Катехизис революционера». Что есть, говорите? О том тут и речь. Давайте поглядим.

Он пролистал книжку, но вдруг сунул её обратно, сказав:

— Да я и так всё помню. Есть, мил человек, общественное мнение, которое надлежит презирать. А ещё... надо беспощадно разрушать всё, что мешает человеку быть человеком.

А мешает этому всё, что вокруг, — и законы, и общество непросвещённое, и предрассудки, — он с презрением обвёл рукой круг, словно весь мир ему мешал, — одна только революция даёт освобождение. И скоро народный бунт не оставит от старого мира камня на камне. Уж мы проследим. Вот о чём речь! И вот эти вот доски ваши деревянные, — он ткнул пальцем в иконы, — все сгорят до единой, как есть запылают!

Вдруг в избу ввалилась соседская баба и запричитала:

— Скорее, Иван, поспешай! Телега горит... Беда! На стога перекинется! Сгорим!..

Константин первым выбежал из избы, заорал:

— Это ж моя, батюшки! Там же книги, там их, почитай, двести штук!

Гость с вороньим глазом вместе с Иваном Петровичем побежали тушить телегу, запывавшую невесть от какой искры, а Семёну батя дома сидеть приказал.

Но мальчик украдкой выглянул на улицу — посмотреть, что там случилось. Телега полыхала, вокруг носились с вёдрами бабы и мужики. Среди его односельчан скакал, причитая, скалясь, ругаясь и сам книгоноша Константин. Издалека Семёну казалось, что он весь в густом огне, что пылает вместе с телегой своей и сам жуткий гость, извива-

ясь и танцуя, объятый сине-красным пламенем, — и даже во рту его виден огонь...

Потушили телегу быстро, но, наполовину горелая, она всё равно развалилась. И книги, за которые так переживал Константин, тоже почти все сгорели. Пешком офеня ушёл в Раненбург с двумя мешками уцелевших брошюрок.

Иван Петрович вернулся с пожара задумчивый, присел на лавку, склонил голову.

Семён подошёл к нему, заглянул в глаза, тихонько взяв родителя за руку.

— Почему он такие слова сказал, а, батя? Про Бога, про Христа? — спросил мальчишка.

— Забудь навсегда, Сёмочка. Забудь, как и не было его тут, — с этими словами Иван Петрович поднялся, взял с лавки книжку, что подарил книгоноша, и бросил её в печь, затем подложил дров — из устья печки вырвались иссиня-красные искры, чуть опалив мальчишку.

Сёма потёр худущую ручонку и сказал:

— А я найду его, Бога. Этот на иконках тоже хороший... Но я живого сыщу! Вот подрасту и по всей земле искать его пойду.

— До сих пор я иногда вспоминаю того офеню, — закончил свой рассказ старец. — Как бы в тонком сне, а иной раз и в обычном, крепком вижу его. Это было первое в жизни